

**Данное издание оцифровано
в Воронежской областной
универсальной научной библиотеке
им. И.С. Никитина**

394018, г. Воронеж, пл. Ленина, 2 / ул. Орджоникидзе, 36

Понедельник– четверг 9.00-20.00

Суббота, воскресенье 12.00-20.00

Пятница -выходной

<http://vrnlib.ru>
<http://vk.com/vounb>
e-mail: vounb@mail.ru
+7 (473) 255-05-91

ВОРОНЕЖСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

— ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ. —

21 ОКТЯБРЯ.

№ 43

1912 ГОДА.

С Л О В О

въ день тезоименитства Государя Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Алексія Николаевича 5 октября 1912 г. ¹⁾.

«Святителю отче Алексіе, моли
Бога о насъ»!

Нынѣ—день тезоименитства Благовѣрнаго Государя Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Алексія Николаевича. Имѣть сына было давнимъ желаніемъ Благочестивѣйшаго Государя. Усердно молился Онъ Господу Богу предъ только что открытыми св. мощами Угодника Божія Серафима, Саровскаго Чудотворца, въ 1903 г.—И услышалъ Господь молитву Царя: 30 іюля 1904 г. даровалъ ему сына. Новорожденному нарекли имя Алексій, въ память Св. Алексія, митрополита Московскаго и всея Россіи Чудотворца И сталъ

¹⁾ Произнесено въ Благовѣщенскомъ Соборѣ Митрофанова монастыря, при Архіерейскомъ служеніи.

съ того времени день святителя Алексія радостнымъ днемъ въ царской семьѣ...

Вотъ и нынѣ Царь съ своей Августѣйшей семьей и со всѣми представителями Россіи, его окружающими, стоитъ съ мыслию о сынѣ своемъ на молитвѣ, въ своемъ царскомъ храмѣ. У насъ, въ частныхъ домахъ, все рѣже и рѣже встрѣчается теперь обычай общихъ домашнихъ моленій, а при Дворѣ Царскомъ обычай этотъ держится неослабно. Въ воскресные, праздничные и высокаторжественные дни Царь зоветъ окружающихъ его лицъ въ свой храмъ на молитву. И какъ трогательно для неиспорченнаго религіознаго чувства это приглашеніе Царя на общую съ нимъ молитву, и какой глубокой смыслъ таится въ молитвенномъ общеніи Царя съ его вѣрноподанными!

Встанемъ и мы, въ духовномъ общеніи съ Царемъ, на молитву и повторимъ эти священныя слова, которыя не разъ нынѣ пропоются въ царскомъ храмѣ: „Святителю отче Алексіе, моли Бога о насъ“²⁾.

Это Господь внушилъ Благочестивѣйшему Государю нашему ввѣрить Наслѣдника Престола небесному покровительству Святителя Алексія, память котораго мы нынѣ празднуемъ!

Святитель Алексій, митрополитъ Московскій (род. 1293 г., преставился 1378 г.), это величайшій изъ іерарховъ русской Православной Церкви, это — „отецъ“ и „спаситель“ русскаго народа, какъ называли его современники.

Тяжелое время перживала Русь во дни Святителя Але-

²⁾ Такое единодушное молитвенное общеніе вѣрноподаннаго народа съ своимъ Государемъ и Его Августѣйшею семьей наглядно выразилось въ послѣдніе дни, когда вся Россія—отъ Первосвятителя Русской Церкви до скромнаго сельскаго пастыря и отъ царскихъ палатъ до убогой хижины поселянина—сдѣлалась въ одномъ усердномъ моленіи объ исцѣленіи болящаго Наслѣдника Цесаревича отъ обдержанія его немощи тѣлесныя.

ксія. То былъ періодъ подневольнаго состоянія подъ игомъ монголовъ-магометанъ. По неисповѣдимымъ путямъ Промысла Божія, магометане и донинѣ угнетаютъ христіанъ (на Балканскомъ полуостровѣ). Даже священный для христіанъ г. Іерусалимъ все еще находится въ рукахъ невѣрныхъ! Судя по тѣмъ стонамъ, которые доходили и доходятъ до насъ съ Балканскаго полуострова, гдѣ только что вспыхнула кровавая брань нашихъ единовѣрцевъ съ ихъ притѣснителями, можете представить себѣ, какъ стонало нѣкогда наше Отечество подъ игомъ невѣрныхъ! Порабощены были и обложены данью наши предки, и 200 лѣтъ тяготѣло надъ ними монгольское иго! Великій князь Московскій получалъ тогда власть надъ русскимъ народомъ изъ рукъ монгольскаго хана, ѣздилъ къ нему для этой цѣли на поклонъ въ Орду, испытывалъ тамъ разнаго рода униженія.

Въ тяжелыя години народныхъ бѣдствій и скорбей въ горячей и усердной молитвѣ притекаетъ народъ ко Господу, и воздвигаетъ Господь избранниковъ *отъ людей Своихъ* для избавленія страждущихъ. Такого именно избранника Своего явилъ Господь Русской Землѣ въ монгольскій періодъ въ лицѣ Святителя Алексія, по молитвамъ русскаго народа.

Угодникъ Божій происходилъ изъ рода бояръ Плещевыхъ. Сынъ Великаго Князя Московскаго былъ воспріемникомъ его отъ купели крещенія. Въ мірѣ готовилось ему блестящее положеніе; но *Богъ избралъ его отъ міра*. Путемъ иночества Онъ возводитъ его къ епископству, а, по исполненіи временъ, ввѣряетъ его управленію духовному все наше Отечество, и Святитель Алексій является митрополитомъ „всея Руси“, *ему вручаются на Руси всѣ люди Божіи!*

И какъ, въ свое время, нетлѣнно почивающей въ семъ св. храмѣ, нашъ Святитель Митрофанъ „вельми содержимъ

былъ боязнію о Боговрученной ему Воронежской паствѣ“, такъ и Угодникъ Божій Святитель Алексій съ глубокимъ смиреніемъ восходилъ на престолъ святительскій. „Имѣю великую тягость на себѣ“, говорилъ онъ: „что ми молвити и учти всѣхъ на вся душеполезная и спасеная“ ³⁾. Но именно *смиренымъ-то и даетъ Господь благодать!* Смиреніемъ Святитель Алексій стяжалъ себѣ высокія духовныя дарованія. Всѣмъ извѣстенъ необычайный подвигъ его въ Орду. Жена хана Чанибека, Тайдула, жестоко занемогла и лишилась зрѣнія. Испытавъ понапрасну разныя средства къ врачеванію, ханъ отправилъ пословъ въ Москву съ письмомъ къ Великому Князю. „Мы слышали, — писалъ онъ, что Богъ всегда исполняетъ прошенія главнаго священника вашего; отпустите его ко мнѣ, дабы его молитвами исцѣлилась моя царица; тогда будете имѣть миръ со мною; если же не отпустите, разорю вашу землю“.

Смиренный митрополитъ смутился, когда Князь сообщилъ ему требованіе хана; но не отказался ѣхать въ Орду. „Дѣло выше силъ моихъ“, сказалъ онъ; но Господь, отверзшій очи слѣпому, не презритъ молитвы вѣры“... И Господь сотворилъ по вѣрѣ его. Царица выздоровѣла послѣ того, какъ прибывшій въ Орду Святитель помолился надъ нею и окропилъ ее святою водою. Ханъ поблагодарилъ митрополита почетомъ и дарами. Въ Тайдулѣ Россія приобрѣла чрезъ Святителя Алексія высокую покровительницу.

При слѣдующемъ ханѣ Бердибекѣ Святитель Алексій въ другой разъ поѣхалъ въ Орду умолять хана, готоваго вновь громить Русскую Землю и предъявившаго неожиданныя требованія даровъ и дани. Тайдула, по просьбѣ Святителя Алексія, отвратила гнѣвъ суроваго Бердибека.

³⁾ *Акты историческіе*. Т. I Спб 1841 г. стр. 3. Грамота митрополита Алексія на Червленый Яръ, боярамъ, басвакамъ, духовенству и мірянамъ.

Онъ отмѣнилъ требованія свои и утвердилъ прежнія льготы Церкви. На возвратномъ пути встрѣчали митрополита, какъ избавителя. Духовенство, князья и народъ выходили ему навстрѣчу. „Какъ благодарить тебя, Владыко святой? Ты даровалъ намъ мирное житіе“, — говорили ему въ Москвѣ Великій Князь съ сыномъ своимъ малолѣтнимъ *Димитріемъ*, будущимъ героемъ *Донскимъ*.

На Святителя Алексія вскорѣ возложено было новое бремя государственныхъ заботъ и новые труды, возвеличившіе его имя!

Въ 1359 году скончался Великій Князь Московскій Іоаннъ. Умирая, онъ поручилъ Святителю Алексію охранять и руководить малолѣтняго сына своего, а сыну — Дмитрію завѣщалъ „слушаться Владыки Алексія и бояръ, *которые намъ добра желали*“, — такими словами пояснялъ Великій князь послѣднюю свою волю сыну.

Слабъ былъ малолѣтній Московскій князь Дмитрій Іоанновичъ, вступивъ на престоль. Этимъ обстоятельствомъ хотѣли воспользоваться тѣ изъ русскихъ князей, которые недовольны были усиленіемъ Москвы; но управление Русскою Землею было въ твердыхъ рукахъ: въ совѣтѣ опытная мудрость Святителя Алексія сторожила пользу Отечества и направляла всѣ распоряженія вѣрныхъ бояръ...

Между тѣмъ и въ возроставшемъ князѣ съ каждымъ годомъ крѣпли силы духа, готовя славное княженіе. Святитель Алексій крѣпко стоялъ за цѣлость Русской Земли и за силу Москвы, въ коей видѣлъ залогъ спасенія и величія Россіи. Двухъ лѣтъ не дожилъ онъ до славной Куликовскою битвы, которою положенъ былъ конецъ игу Монгольскому.

При своей жизни Святитель Алексій простиралъ свои архипастырскія заботы и на тотъ край, въ которомъ мы теперь живемъ. Задолго до Святителя Митрофана, перваго

епископа Воронежскаго (1682—1703 г.г.) здѣсь уже были христіанскія поселенія, находившіяся въ церковной зависимости отъ Рязанскихъ Святителей.

Около 1360 года Святитель Алексій, митрополитъ Московскій и всея Руси, писалъ въ нашъ край архипастырское посланіе ко всѣмъ христіанамъ, здѣсь обрѣтающимся, увѣщаывая ихъ исполнять Божія заповѣди и слушаться своихъ Рязанскихъ епископовъ.

И по кончинѣ своей, онъ не переставалъ заботиться о насельникахъ Воронежскаго края, являя имъ незримую помощь.

Въ чувствѣ живой благодарности къ Богу и Святому Его Угоднику Святителю Алексію, древніе воронежцы воздвигли въ 1620 году въ нашемъ городѣ, Воронежѣ, Алексѣевскій монастырь, существующій на томъ же мѣстѣ и донынѣ, только древній деревянный храмъ замѣненъ впоследствии каменнымъ. „Приходили подъ г. Воронежъ,—говорится въ одномъ древнемъ документѣ,—многіе литовскіе люди и черкасы“ (въ 1620 г.). Воронежцамъ предстоялъ неравный бой. Составъ всего населенія г. Воронежа около того времени едва превышалъ 1000 человекъ. Предвидя бѣду (— въ 1590 г. Воронежъ во время подобнаго же нашествія былъ разрушенъ, а жители вмѣстѣ съ воеводою перебиты ⁴⁾),—Воронежцы сдѣлали вылазку. Вылазка имѣла необычайный успѣхъ: „въ тѣ поры на вылазкѣ литовскихъ людей и черкасъ побили“, такимъ образомъ городъ спасенъ былъ отъ разоренія. Это было на „память св. Алексія, митрополита Московскаго—12 февраля“ и „въ тѣ поры,—какъ гласитъ документъ:—всѣмъ городомъ и уѣздомъ всякіе люди обѣщались воздвигнуть храмъ во имя Алексія Чудотворца и устроить монастырь, гдѣ міромъ изыщутъ“ ⁵⁾.

⁴⁾ Воронежскія Епархіальныя Вѣдомости. 1889 г. № 24, (стр. 1058)

⁵⁾ Московскій Главный Архивъ Министерства Юстиціи. Архивъ вотчинный, столбцы оклееные, по г. Воронежу св. № 81, столб. № 11.

Такъ чутки были и не *косны сердцемъ* древніе воронежцы, чтобы вѣрвать въ Господа, дивнаго во святыхъ Своихъ!

И какъ при жизни своей, и послѣ блаженной кончины не оставлялъ Святитель Алексій насъ своими заботами и покровительствомъ, такъ и нынѣ, — вѣруемъ мы, — не отринетъ молитвъ нашихъ о здравіи и спасеніи Государя Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Алексія Николаевича. Какъ славный *пѣстунъ* Дмитрія Донскаго во дни его отрочества, Угодникъ Божій возраститъ и укрѣпитъ малолѣтняго сына Царева во славу Божію, на радость и утѣшеніе его Августѣйшихъ Родителей и на благо и счастье всей Россіи! Аминь.

Законоучитель Воронежскаго кадетскаго корпуса
священникъ *Ст. Звъревъ*.

Р ѣ ч ь

предъ панихидою послѣ заупокойной литургіи 25 августа 1912 г. на площади у городского собора въ г. Задонскѣ.

Помолимся, отцы, братія и сестры, Господу Богу объ упокоеніи въ обителяхъ небесныхъ, — гдѣ нѣтъ ни печали, ни воздыханія, но жизнь блаженная, — усопшихъ Благочестивѣйшаго Великаго Государя Императора Александра I-го и павшихъ въ Отечественную войну вождей и воиновъ, которые воевали за православную вѣру, Царя и отечество въ виду угрожавшей опасности отъ французовъ.

Чрезъ молитвы наши великая отрада и утѣшеніе будетъ усопшимъ, по ученію православной церкви, особенно, если приносится за нихъ безкровная жертва Тѣла и Крови Христовыхъ.

Пусть высокій образецъ любви къ родинѣ нашихъ пред-

ковъ въ эпоху 1812 г. запечатлѣется въ сердцахъ нашихъ и побудитъ и насъ употребить всѣ силы наши на благо отечества!

Въ годы спокойствія общественнаго пусть каждый изъ насъ добросовѣстно трудится надъ исполненіемъ тѣхъ гражданскихъ обязанностей, которыя возложены на каждого изъ насъ!

Когда же явится война и станетъ угрожать отечеству опасность непріятеля, какъ въ 1812 г., то пусть всякій вѣрный сынъ родины не жалѣетъ для защиты ея ни средствъ, ни силъ, ни даже, если нужно, самой жизни!

Не забывайте, православные христіане, что отечество есть общая большая семья и каждый изъ насъ, какъ членъ этой семьи, долженъ помнить ея благо и идти при несчастіи на защиту до послѣдней капли крови.

Въ Отечественную войну воины съ самоотверженіемъ исполнили свой гражданскій долгъ.

Пусть же въ лицѣ ихъ каждый изъ насъ усмотритъ поучительный примѣръ къ тому, какъ нужно защищать вѣру, Царя и отечество.

Господь Богъ да избавитъ защитниковъ нашихъ, павшихъ въ Отечественную войну, отъ вѣчныхъ мученій за прегрѣшенія, содѣянные по немощи человѣческой, — такъ какъ нѣтъ человѣка безъ грѣха, — и удостоитъ ихъ царства небеснаго по нашимъ молитвамъ, которыя будутъ лучшею наградою отъ насъ за ихъ славные подвиги въ дѣлѣ защиты Россіи. Онѣ будутъ даромъ нашей христіанской любви къ нимъ. Да будетъ имъ вѣчная память! Аминь.

Протоіерей *Никаноръ Холодовичъ*.

Р ъ Ч Ъ

по случаю столѣтія Отечественной войны произнесенная 26 августа 1912 г., предъ молебствіемъ на Задонской площади въ г. Задонскѣ.

Нынѣшній день, граждане г. Задонска, исполнилось столѣтіе великой Бородинской битвы. Французскій императоръ Наполеонъ, увлеченный славою завоевателя и блескомъ побѣдъ, задумалъ сдѣлаться владыкой вселенной. Безъ объявленія войны 12 іюня 1812 года вступилъ онъ съ 600—тысячнымъ войскомъ въ предѣлы Россіи. Главнокомандующій русской арміей, имѣя всего 200 тысячъ войска, началъ отступать и увлекать за собою непріятеля. Рѣшительное сраженіе между арміями произошло только 26 августа на Бородинскомъ полѣ. Въ этомъ сраженіи погибло много воиновъ съ обѣихъ сторонъ. Въ этой жестокой битвѣ обѣ стороны проявляли большую храбрость и стойкость и ни одна изъ нихъ не могла быть признана ни побѣдившей, ни побѣжденной.

Тѣмъ не менѣе эта битва подала русскимъ надежду на возможную побѣду надъ врагомъ.

Вотъ почему празднованіе столѣтія Отечественной войны и отнесено на 26 августа!

Хотя послѣ Бородинской битвы и отдана была французамъ Москва, гдѣ врагъ грабилъ и разрушалъ храмы и монастыри, но чрезъ это скорбное событіе лишь сильнѣе загорѣлась въ русскихъ сердцахъ любовь къ родинѣ и тѣснѣе сплотились всѣ сословія на защиту православной вѣры, Царя и отечества.

Совершилось единеніе русскаго народа съ правительствомъ въ дѣлѣ защиты Россіи отъ врага, дерзко вторгшагося въ нее. Со стороны народа составлялись вольныя дружины и народныя ополченія, сильно тревожившія и истреблявшія войска французовъ.

И вотъ единодушными усиліями Царя и народа, при явной помощи Божіей, французы были изгнаны изъ Москвы, а затѣмъ и изъ Россіи!

Такимъ образомъ, позоръ униженія нашего отечества и сожженія Москвы смѣнился для русскаго государства торжествомъ всемірнаго величія, превознесенія Россіи и ея Великаго Государя надъ всѣми царствами и народами.

Первый молебень по случаю избавленія Россіи отъ нашествія галловъ и съ ними 20 языкъ состоялся въ г. Вильнѣ 25 декабря 1812 года въ присутствіи Государя Императора Александра 1-го, получившаго за побѣду названіе Благословеннаго.

Благодѣяніе Божіе, явленное въ избавленіи нашей церкви и державы отъ нашествія французовъ и съ ними 20 языкъ, должно наполнять сердца русскихъ людей радостію и чувствомъ искренней благодарности къ Богу, спасшему насъ.

Французскій императоръ Наполеонъ, дотолѣ непобѣдимый и имѣвшій большое войско, предъ которымъ трепетала вся западная Европа, мечталъ присоединить къ своимъ владѣніямъ нашу дорогую родину.

„Россія, сказалъ Наполеонъ предъ вторженіемъ въ ея предѣлы, увлекается рокомъ къ гибели: да совершится судьба ея“!

Что было бы съ нашимъ отечествомъ, съ нашею православною вѣрою и съ нами самими, если бы Господь силь не помогъ нашимъ предкамъ одержать побѣду надъ войскомъ Наполеона и тѣмъ уничтожить его пагубный замыселъ противъ насъ?!

Можетъ быть, наше славное отечество предано было бы расхищенію и запустѣнію, можетъ быть, наша святая вѣра была бы попорана и поругана, а мы теперь влачили бы жизнь въ безчестномъ и тяжкомъ порабощеніи.

Вотъ отъ какого бѣдствія избавилъ насъ Богъ въ годину искушенія!

Воспомявая нынѣ это дивное избавленіе нашего отечества отъ угрожавшей ему гибели и подвиги предковъ, поблагодаримъ Господа Бога и отъ всей души воскликнемъ къ Нему: слава Тебѣ, благодателю нашему, во вѣки вѣковъ!

Протоіерей *Никаноръ Холодовичъ*.

„Отечественная война“¹⁾.

(По поводу столѣтняго юбилея).

Война 1812 года, столѣтнюю годовщину которой мы торжественно воспоминаемъ, грандіозное историческое событіе, облекшее сто лѣтъ тому назадъ все русское государство сначала въ великій національный трауръ, а потомъ вознесшее его на верхъ славы и послужившее къ національному возрожденію русскаго народа. Для насъ, русскихъ, 1812 годъ ознаменованъ высокимъ подъемомъ патріотическаго духа и являетъ собою свѣтлую страницу исторіи, но въ то же время отечественная война изобилуетъ многочисленными драматическими эпизодами, сдѣлавшими эту войну великой исторической эпошеей, воспѣтой лирою поэтовъ и кистью художниковъ.

I.

„Къ исходу XVIII вѣка на горизонтѣ западно-европейской жизни появилась фигура выдающагося военачальника, къ которому, въ связи съ тогдашними событіями во Франціи, приковывалось общее вниманіе и съ именемъ ко-

¹⁾ Изъ лекціи, прочитанной воспитанникамъ Воровежской духов. Семинаріи 11 октября 1912 года.

тораго связывались смѣлыя и удачныя начинанія въ области военной и государственной. Этой личностью былъ Бонапартъ Наполеонъ, проявившій уже въ молодомъ возрастѣ всѣ признаки военной геніальности и въ 1793 году оказавшій французскому республиканскому правительству значительныя услуги при взятіи Тулона, отложившагося отъ республики и предавшагося англичанамъ. Послѣ паденія якобинской диктатуры, приверженцемъ которой на первыхъ порахъ былъ Бонапартъ, онъ временно ступшевывается, но засимъ ходъ политическихъ событій Франціи снова выкидываетъ его на поверхность взбаламученнаго государственнаго моря, и онъ становится любимцемъ директоріи. Исполняя ея велѣнія, Бонапартъ подавляетъ внутренніе мятежи и въ награду за это получаетъ командованіе надъ французской арміей, дѣйствовавшей въ то время противъ Италіи, и покрываетъ себя вскорѣ неувядаемой славой великаго полководца. Онъ становится кумиромъ арміи, и молва о немъ, какъ о непобѣдимомъ полководцѣ, рѣшительномъ, смѣломъ и новаторѣ въ военномъ дѣлѣ, проникаетъ далеко за предѣлы Франціи и Италіи, возбуждая вездѣ удивленіе, любопытство и желаніе помѣряться съ нимъ силами. Уже успѣвшій соскучиться безъ дѣйствія, нашъ геніальный полководецъ, старикъ Суворовъ, взирая съ завистью на размахъ крыльевъ молодого корсиканца и его высокій полетъ, начинаетъ докучать своей матушкѣ-царицѣ: „Матушка, пошли меня бить французовъ“. Въ старомъ, посѣдѣломъ въ бою, русскомъ воинѣ сказывалось въ данномъ случаѣ профессиональное соревнованіе и ненависть къ той демократической силѣ, которая начала потрясать престолами, опрокидывать былыя традиціи старины и являть собою загадочное еще начало будущей политической жизни европейскихъ народовъ. Но Екатерина, хотя уже напуганная ходомъ дѣлъ въ республиканской Франціи и порвавшая связи со своими недавними друзьями, представите-

лями революціонной філософіи, совершенно не склонна была вмѣшиваться въ дѣла бывшей имперіи Людовиковъ и только принимала нѣкоторыя мѣры противъ вторженія республиканской заразы въ предѣлы Россійской имперіи.

А тѣмъ временемъ политическая звѣзда Наполеона ярко разгоралась, симпатіи населенія все сильнѣе къ нему прикрѣплялись, и въ немъ дальновидныя умы начинали прозрѣвать ту грядущую силу, которая неминуемо должна смести съ лица Франціи шаткое и неустойчивое правительство. Въ самомъ Наполеонѣ, бывшемъ якобинцѣ, нынѣ умѣренномъ республиканцѣ, уже назрѣвалъ опредѣленный процессъ, который въ его воображеніи въ недалекомъ будущемъ долженъ былъ его вывести на болѣе широкую и блестящую дорогу служенія всесвѣтной славы Франціи и во главѣ ея его самого. Онъ проговарился приближеннымъ, заявляя: „Неужели вы думаете, что я одерживаю побѣды въ Италіи ради величія адвокатовъ директоріи, всѣхъ этихъ Карно и Баррасовъ? Неужели вы думаете, что я это дѣлаю для основанія республики? Что за идея. Республика въ тридцать милліоновъ душъ. Съ нашими нравами, съ нашими пороками. Возможно ли это? Вѣдь это химера, которой французы одержимы теперь, но которая пройдетъ подобно многимъ другимъ. Имъ нужна слава, имъ нужно удовлетворить ихъ тщеславіе, а что касается до свободы, то въ ней они ничего не понимаютъ“. Тутъ же онъ высказывался о своей будущей роли въ грядущихъ, ожидаемыхъ имъ судьбахъ Франціи: „Если я оставлю Италію, то только для того, чтобы во Франціи играть роль, подобную той, какую я здѣсь играю, но время для этого еще не настало—груша еще не созрѣла“. Въ данномъ случаѣ онъ имѣлъ въ виду присвоить себѣ ту гражданскую власть, которая, опираясь на армію и сдѣлавшись всемогущею и выше даже самой арміи, при содѣйствіи воли народной,

тѣмъ самымъ приобрѣла бы всѣ нужные ей атрибуты націоналистическаго империализма.

Директорія начинала догадываться о честолюбивыхъ замыслахъ своего итальянскаго главнокомандующаго и, когда онъ для возвеличенія славы Франціи задумалъ грандіозный походъ въ Египетъ, дабы нанести рѣшительный ударъ врагу Франціи въ лицѣ Англіи, правительство санкціонировало этотъ походъ, съ желаніемъ, между прочимъ, удалить отъ народа его новый кумиръ. Но въ 1802 году Наполеонъ превращается въ пожизненнаго консула, и въ 1804 году онъ по единогласному почти народному рѣшенію, увѣренно и смѣло надѣваетъ на себя императорскій вѣнецъ, принявъ въ соотвѣтствіи съ актомъ вѣнчанія всѣ необходимыя мѣры къ тому, чтобы къ этому вѣнцу не протянулась никакая державенная рука. „Моя власть рушится, лишь только я перестану быть страшнымъ“.

Грозный и великій Наполеонъ ставитъ цѣлью своей жизни міровое могущество и господство Франціи, господство реальное, матеріальное, ибо иного господства онъ, чуждый какихъ-либо нравственныхъ потребностей, не признавалъ. „У меня одна лишь страсть,—говорилъ онъ—это—Франція; она при мнѣ неотлучна и никогда не измѣняла мнѣ“. И вотъ ради удовлетворенія этой страсти, новый вѣнценосецъ заливаетъ европейскія поля кровью своего народа въ упованіи, что каждая пролитая капля броситъ на его народъ и на его самого новый лучъ славы. Онъ не признаетъ для себя невозможнаго, и только легенды древности смущаютъ его гордый умъ. „Да, конечно, моя карьера прекрасная, но какая же разница съ античнымъ міромъ. Посмотрите на Александра Великаго: покоривъ Азію, онъ объявилъ себя сыномъ Юпитера. Весь Востокъ ему повѣрилъ, а если я объявлю себя сегодня сыномъ Предвѣчнаго Отца и захочу возблагодарить его, какъ таковой, меня освищутъ всѣ тор-

говки на рынкѣ. Народы стали всѣ просвѣщенными, въ настоящее время больше нечего дѣлать“. Всѣ народы у подножія Франціи — такова намѣченная цѣль его жизни. Ради выполнения этой цѣли онъ спутываетъ расположеніе политическихъ картъ Европы и обращаетъ послѣднюю въ сплошной вооруженный лагерь, гдѣ стародавніе друзья и братья, связанные между собою договорами и узами родства, бросаются другъ на друга въ смертную борьбу. Россія въ этой борьбѣ, и особенно въ заключительной ея части, пришлось сыграть выдающуюся роль и положить конецъ всесвѣтнымъ завоевательнымъ планамъ „великаго корсиканца“ и вернуть Европѣ утраченные ею „честь и миръ“²⁾.

Наполеонъ I, французскій императоръ, самовластно распоряжавшійся въ Западной Европѣ, подчинившій себѣ лучшія европейскія области съ 70-ти миллионнымъ населеніемъ, не могъ примириться съ мыслью, что на Востокѣ Европы есть страна, не подвластная ему, съ государемъ которой онъ долженъ сноситься, какъ равный съ равнымъ. Властолюбію его не было границъ. Согласившись съ нашимъ государемъ исключить изъ исторіи самое имя Польши, Наполеонъ на самомъ дѣлѣ увеличилъ герцогство Варшавское новыми землями. Императоръ Александръ I потребовалъ отъ него обязательства, что Польша никогда не будетъ восстановлена. Наполеонъ уклонялся отъ этого обязательства. Присоединяя, затѣмъ, самовластно къ Франціи разныя германскія земли, Наполеонъ отнялъ владѣнія и у дяди русскаго государя, герцога Ольденбургскаго. Александръ I возражалъ противъ такого насильственнаго захвата. Наполеонъ не обратилъ никакого вниманія на это возраженіе.

Но, оскорбляя нашего государя, Наполеонъ самъ вы-

²⁾ Торжество Россіи въ борьбѣ съ Наполеономъ. Б. Б. Глинскаго. Историч. Вѣст. Августъ 1912 г.

ражалъ недовольство, жаловался на то, что Россія не соблюдаетъ строго такъ называемой континентальной системы. Эта система, учрежденная Наполеономъ, нанесла существенный вредъ торговлѣ и промышленности Англіи, которую она хотѣла ослабить, обезсилить. Но пагубная для англичанъ, она была вредна и для континентальныхъ народовъ. Въ Россіи, благодаря этой системѣ, вывозъ сырыхъ произведеній значительно уменьшился, товары вздорожали, ассигнаціи упали въ цѣнѣ и звонкая монета исчезла. Наполеону этого было мало. Онъ потребовалъ совершеннаго прекращенія русской морской торговли, — требовалъ, чтобы корабли даже нейтральныхъ державъ (американскіе, напр.) не допускались въ русскія гавани. Александръ съ негодованіемъ отвергъ это требованіе. Чтобы ограничить вывозъ звонкой монеты, онъ даже обложилъ высокой пошлиной предметы роскоши, получаемые нами изъ Франціи, а нѣкоторые товары и совсѣмъ запретилъ ввозить ³⁾.

Наполеона это взорвало. Онъ рѣшилъ уничтожить, „раздавить Россію“. Въ 1811 году Наполеонъ уже не скрывалъ своихъ враждебныхъ намѣреній противъ Россіи. Онъ поднималъ на нее Швецію, ласкалъ поляковъ, живущихъ въ Парижѣ, и собиралъ войско.

Знакомясь съ борьбой Франціи и Россіи, мы скажемъ о военныхъ приготовленіяхъ обѣихъ сторонъ. Въ чемъ же состоялись эти приготовленія? И та и другая держава готовилась къ борьбѣ сообразно съ своими цѣлями и наличными средствами. Что касается Наполеона, то онъ по свойствамъ своего военнаго генія и своей природы готовился къ наступательной войнѣ, при чемъ намѣтилъ себѣ сперва лишь въ самыхъ общихъ чертахъ планъ военныхъ дѣйствій. Онъ

³⁾ „Причины войны 1812 года“. Ю. Карцовъ и К. Военскій. СПБ. 1911 г.

рѣшилъ сосредоточить свою армію, форсировать переправу черезъ Нѣманъ и вторгнуться въ предѣлы Россіи. Затѣмъ для достиженія прочнаго и выгоднаго мира онъ намѣревался разбить русскую армію въ генеральномъ сраженіи, угрожая въ то же время Москвѣ, а въ случаѣ необходимости и занять этотъ городъ. Самъ Наполеонъ далъ объясненіе, почему онъ стремился къ овладѣнію Москвой. „Если я займу Кіевъ,—говорилъ онъ,—я возьму Россію за ноги, если я овладѣю Петербургомъ, я возьму ее за голову, занявъ Москву, я поражу ее въ сердце“⁴⁾. Поставивъ себѣ опредѣленныя цѣли, Наполеонъ со свойственной ему кипучей энергіей сдѣлалъ все для обезпеченія себѣ успѣха. Прежде всего онъ позаботился о созданіи сильной дѣйствующей арміи, численность которой, благодаря сдѣланнымъ имъ распоряженіямъ, императоръ французовъ довелъ до 542 тысячъ человекъ. Надо было позаботиться о прокормленіи такой массы людей и лошадей. И здѣсь Наполеонъ выказалъ большую заботливость и предусмотрительность; такъ, предвидя трудность добыванія фуража для кавалеріи въ сравнительно малолюдной и очень обширной странѣ, постарался приурочить начало военныхъ дѣйствій къ срединѣ іюня, чтобы лошадей дѣйствующей арміи, получившей названіе Великой, можно было держать на подножномъ корму.

11 іюня Наполеонъ прибылъ къ русской границѣ на лѣвомъ берегу Нѣмана, противъ Ковно. Въ сопровожденіи начальника штаба Бертье, Наполеонъ подъѣхалъ къ самому берегу Нѣмана и лично произвелъ рекогносцировку противоположнаго берега, разузнавая, гдѣ на рѣкѣ брѣды, и гдѣ стоятъ русскія войска. Съ заходомъ солнца Наполеонъ прибылъ къ мѣсту переправы, чтобы руководить ею. Массы

⁴⁾ «Отечественная война и ея слѣдствія». Иллюстрированный сборникъ. 1912 г.

пѣхоты, конницы и артиллеріи въ полной тишинѣ и безъ огня стояли почти у самой рѣки. Къ полуночи были наведены три моста, и вскорѣ они заколыхались подъ тяжестью войскъ. Наполеонъ нѣкоторое время наблюдалъ за переправой, а потомъ и самъ переѣхалъ на русскій берегъ. Стоявшій на границѣ у Нѣмана русскій развѣздъ лейбъ-казачьяго полка гр. Орлова-Денисова, не вступая въ бой, отступилъ и послалъ донесеніе о происшедшемъ. Война, такимъ образомъ, началась; объявленіе войны Наполеонъ счелъ излишнимъ. Быть можетъ онъ рассчитывалъ напасть на русскихъ внезапно, хищнически, чтобы сразу оглушить ихъ и прорваться сквозь ряды русскихъ войскъ, которыя заслоняли съ нашей стороны границу.

Переправа черезъ Нѣманъ продолжалась два дня. Утромъ, 13, авангардъ „великой арміи“ занялъ безъ сопротивленія г. Ковно. Подъ вечеръ прибылъ въ Ковно Наполеонъ и имѣлъ здѣсь, на русской почвѣ, первый ночлегъ. На другой же день, 14, Наполеонъ выступилъ изъ Ковно на Вильну, чтобы быстрымъ движеніемъ помѣшать сосредоточенію русскихъ войскъ.

Въ Вильнѣ была расположена главная квартира первой нашей западной арміи; здѣсь находился самъ императоръ Александръ, который пріѣхалъ сюда въ половинѣ апрѣля, чтобы лично руководить военными дѣйствіями противъ Наполеона. Приготовленія къ борьбѣ у насъ также начались уже давно. Но затрудненія въ финансахъ, продолжительная война съ турками (съ 1806 по 1812 г.г.) и внутренній экономическій кризисъ, бывшій слѣдствіемъ разрыва съ Англіей въ угоду Наполеону, для поддержанія континентальной системы, — были причиной, почему наши военныя силы противъ Франціи не превышали 200 тыс. По западной границѣ производились развѣдки, устраивались и ремонтировались крѣпости, свозились сюда запасы продоволь-

ствія. Но результаты приготовленій были не блестящи. Главныя наши военныя силы были разбиты на три арміи: одна, подъ начальствомъ военнаго министра Барклая-де-Толли, была раскинута по обѣ стороны отъ Вильны, въ направленіи по теченію р. Нѣмана, на пространствѣ до 200 верстъ, съ цѣлью прикрытія дороги на Петербургъ и на Москву. Армія Барклая состояла въ общей сложности изъ 120 тыс. человѣкъ. Вторая армія, Багратіона — числомъ не болѣе 40 т., стояла южнѣе на 90 верстъ. Третья армія, ген. Торماسова, приблизительно такой же численности, какъ и Багратіона, стояла на Волыни и Подоліи, съ главной квартирой въ Луцкѣ. Такимъ образомъ, русскія войска были раскинуты на громадномъ пространствѣ, болѣе чѣмъ на 500 верстъ по фронту.

Боевые и придворные генералы въ императорской главной квартирѣ, въ Вильнѣ, горячо обсуждали ближайшій планъ военныхъ дѣйствій. Александръ остановился на проектѣ генерала Фуля, бывшаго прусскаго полковника. Теоретикъ въ военномъ дѣлѣ, Фуль получилъ большое вліяніе на императора Александра. Но все знаніе фулевскаго плана было построено на пескѣ, такъ какъ въ основѣ его лежали ошибочныя предположенія о численности наполеоновской арміи; впрочемъ, не одинъ Фуль, а и другіе русскіе генералы думали, что численность ея не превышаетъ 200 тыс., т. е. не больше, чѣмъ въ общей сложности — у русскихъ. На самомъ же дѣлѣ силы Наполеона превышали расчеты въ $2\frac{1}{2}$ раза.

По разсказамъ многихъ современниковъ, шумная, веселая жизнь кипѣла вокругъ императора Александра въ Вильнѣ. Празднества, балы, смотры войскъ слѣдовали одни за другими. Императоръ все еще не терялъ надежды привлечь къ себѣ польско-литовское общество. Въ загородномъ замкѣ гр. Беннигсена, въ Закретѣ, 12 іюня происхо-

дилъ балъ. Въ самый разгаръ бала курьеръ привезъ извѣстіе о наведеніи непріателемъ мостовъ черезъ Нѣманъ. Александръ сохранилъ видимое спокойствіе, пробылъ еще часъ на балу и затѣмъ уѣхалъ, чтобы сдѣлать необходимыя распоряженія. Въ 2 часа ночи государственный секретарь Шишковъ былъ разбуженъ и получилъ предписаніе составить приказъ къ войскамъ и рескриптъ въ Петербургъ на имя предсѣдателя Государ. Совѣта гр. Салтыкова о вступленіи непріателя въ русскіе предѣлы. Рескриптъ заканчивался извѣстными словами: „Я не положу оружія, доколѣ ни единого непріательскаго воина не останется въ царствѣ моемъ“.

Форсированнымъ маршемъ въ два дня Наполеонъ прошелъ разстояніе отъ Ковны до Вильны, и 16 іюня столица Литвы была уже въ его рукахъ. Торжественно въѣхалъ въ Вильну Наполеонъ, встѣченный магистратомъ съ ключами города, привѣтствуемый восторженными криками поляковъ. Но уже во время этого марша и въ дальнѣйшемъ движеніи отъ Вильны Наполеону пришлось убѣдиться, какую грозную, неожиданную опасность для его арміи можетъ представить климатъ Россіи. Проливные дожди, превратившіе дороги въ сплошной кисель, въ которомъ утопали пѣхота, конница, артиллерія и обозы, смѣнялись невыносимыми жарами. Дороги, мосты и плотины испортились, низкія мѣста покрылись водой. Люди и лошади переносили ужасныя лишенія и падали въ изнеможеніи. Наполеонъ, конечно, хорошо понималъ, что подобныя затрудненія будутъ возрастать по мѣрѣ углубленія внутрь непріательской страны. Поэтому всѣ его расчеты основывались на быстромъ, стремительномъ натискѣ, на томъ, чтобы принудить русскія войска къ принятію боя и заключенію мира.

Общая картина начала войны была такова: три русскія арміи представляли собою слабый и тонкій заслонъ, растя-

нутый вдоль границы. Наполеону ничего не стоило вонзиться клиномъ между ними, что онъ и сдѣлалъ. „Теперь Барклай съ Багратиономъ не увидятся“.—сказалъ онъ тогда. И если бы не дурныя дороги, размытыя дождемъ, и если бы не страшныя жары, повлекшія громадное количество больныхъ и отсталыхъ во французскихъ войскахъ, Багратионъ и въ самомъ дѣлѣ, пожалуй, не увидѣлся бы съ Барклаемъ. Но Наполеонъ замѣшкался на нашихъ дорогахъ, и раздѣленные полководцы кое-какъ, съ большими затрудненіями и потерями, послѣ тяжелыхъ тыловыхъ и фланговыхъ стычекъ и сраженій съ непріателемъ, наконецъ соединились другъ съ другомъ. Но это случилось только у Смоленска. И первое время всѣ военныя дѣйствія состояли только въ томъ, что Наполеонъ энергично, какъ только могъ, насѣдалъ на уходящія отъ него русскія арміи, а русскія арміи стремились только къ тому, чтобы соединиться и прикрыть плотной массой главныя дороги на Москву и Петербургъ.

Главнымъ героемъ этого времени съ нашей стороны безспорно былъ Барклай, этотъ столь несправедливо униженный полководецъ, едвали не единственный изъ всѣхъ тогдашнихъ военныхъ дѣятелей, который правильно понималъ и оцѣнивалъ положеніе вещей и избралъ единственно цѣлесообразный въ то время способъ борьбы съ Наполеономъ—отступленіе... Барклаю приходилось тогда сражаться на два фронта—и съ насѣдавшими французами, которые буквально по пятамъ гнались за сравнительно малочисленными, разрозненными русскими арміями, и съ своими же, русскими товарищами по оружію и службѣ: противъ Барклая и его „медлительности“ были почти всѣ на верхахъ арміи и въ той камарильѣ, которая окружала Александра и имѣла большое вліяніе на военныя дѣла... Мало того, ему пришлось на первыхъ же порахъ столкнуться съ Багратиономъ, который заявилъ себя яркимъ противникомъ „министра“ (такъ онъ

называлъ Барклай). Барклай съ рѣдкой выдержанностью преодолѣлъ все эти „тренія“. Онъ услѣдилъ и за французами, неоднократно пытавшимися обойти русскія арміи, и добился того, что былъ покинутъ нелѣпый, придуманный кабинетными измышленіями генерала Фуля, лагерь на Дриссъ, гдѣ мы вздумали-было ожидать французовъ для генеральнаго сраженія, и гдѣ Наполеонъ устроилъ бы намъ страшную катастрофу. Едва ли не Барклай настоялъ также и на томъ, чтобы Импер. Александръ, остававшійся до этого времени при войскѣ, уѣхалъ въ Москву для того, чтобы „возбудить къ защитѣ отечества русскій народъ“. Отсутствіе государя въ данномъ случаѣ было важно въ томъ отношеніи, что командуящій войсками получалъ большую самостоятельность дѣйствій, что было крайне необходимо. Какъ и всегда на войнѣ, требовалось единоначаліе, а этого невозможно было достигнуть во время присутствія Императора Александра при арміи и притомъ при категорическомъ его отказѣ взять на себя активное командованіе арміями.

Вообще дѣятельность Барклая за это время поражаетъ своей мудрой синтетичностью и цѣлесообразностью каждаго отдѣльнаго дѣйствія. Съ величайшимъ трудомъ онъ собралъ разрозненныя арміи въ одно цѣлое, сохранилъ ихъ, усилилъ новыми частями и, отступая въ боевой готовности, изнурялъ Наполеона непрерывнымъ втягиваньемъ въ чужую страну, въ чужой климатъ... Этотъ полководецъ вынесъ на себѣ главную тяжесть защиты Россіи въ такое время, когда еще ничего къ войнѣ по настоящему не было готово, и когда ему со всѣхъ сторонъ только и дѣлали, что мѣшали. Противъ него были и товарищи, и штабъ, и русское общество, къ голосу котораго императоръ Александръ тогда прислушивался довольно внимательно. Противъ него, наконецъ, оказался и самъ Александръ. Первое время онъ былъ вполне согласенъ съ тактикой Барклая, но потомъ, къ тому

времени, когда русскія арміи уже соединились, а Наполеонъ дошелъ до Смоленска, Александръ писалъ Барклаю: „Съ прискорбіемъ долженъ былъ я видѣть, что сіи отступательныя движенія продолжались до самаго Смоленска. Вы развязаны теперь во всѣхъ вашихъ дѣйствіяхъ, а потому я надѣюсь, что вы не пропустите ничего къ пресѣченію намѣреній непріятеля и къ нанесенію ему всевозможнаго вреда. Я съ нетерпѣніемъ ожидаю извѣстій о вашихъ наступательныхъ движеніяхъ“⁵⁾.

Это былъ приказъ начинать наступленія. На сколько былъ однако правъ „медлительный“ Барклай, выяснилось тогда же: наступательныя дѣйствія, предпринятыя подъ Смоленскомъ, ознаменовались неудачами: Наполеонъ вездѣ успѣвалъ отражать нападенія. Между тѣмъ русскіе въ своихъ атакахъ отошли отъ Смоленска и открыли для французовъ прорывъ на Московскую дорогу. И французы чуть-чуть не прорвались—было на нее. И если бы войска Мюрата не наткнулись тогда подъ Краснымъ на дивизію генерала Невѣровскаго, и если бы Невѣровскій со своими стрѣлками не ухитрился задержать кавалеристовъ Мюрата почти цѣлый день и потомъ въ полномъ порядкѣ отступить къ Смоленску, то французы прорвались бы мимо Смоленска на Московскую дорогу и прорвали бы только-что соединившіяся русскія арміи. Но Барклай со своими героями — Невѣровскимъ, Раевскимъ и Дохтуровымъ—своевременно спохватился, опять отступилъ къ Смоленску. Для Наполеона содалось такое положеніе, что далѣе на Московскую дорогу онъ уже не могъ попасть, не взявъ предварительно Смоленска. И онъ рѣшился брать его.

Онъ обрушился на Смоленскъ громадными массами

⁵⁾ «Императоръ Александръ первый, его жизнь и царствованіе». Н. К. Шильдера. Т. 3-й. СПб. 1897 г.

войскъ и громилъ его 150 орудіями. Городъ сгорѣлъ, но герои-защитники — Дохтуровъ, Невѣровскій и Раевскій — устояли съ малымъ количествомъ предъ полчищами военнаго генія Европы. Смоленскъ не былъ взятъ. Русскіе сами оставили его послѣ того, какъ Барклай убѣдился въ невозможности задержать здѣсь Наполеона. Но, какъ позднѣе въ Москвѣ, Наполеонъ и въ Смоленскѣ получилъ однѣ только обгорѣлыя развалины.

Дальше война шла своимъ естественнымъ путемъ, — единственнымъ, какимъ ей надлежало итти. Мы продолжали отступленіе, Наполеонъ все болѣе и болѣе втягивался съ Неемъ, Мюратомъ, Даву и Удино въ „стѣни“ и все болѣе и болѣе терпѣлъ потери въ людяхъ и припасахъ. Но у насъ всѣмъ стало казаться, что отступать далѣе позорно, и что Барклай — просто „нѣмецъ“ и „измѣнникъ“.

— „Войска шли тихо, въ молчаніи, — рассказываетъ современникъ, — съ растерзаннымъ и озлобленнымъ сердцемъ. Солдаты, офицеры и генералы винили во всемъ Барклая, какъ нѣмца, и нѣкоторые даже называли его измѣнникомъ“⁶⁾.

Историческая роль Барклая кончилась... Ему отплатили неблагодарностью, и только много лѣтъ спустя догадались, какъ мудръ и правъ былъ этотъ „русскій человекъ съ нѣмецкимъ именемъ“. Въ арміи, въ народѣ, въ обществѣ — вездѣ начался громкій ропотъ противъ отступленія и противъ Барклая. Назначеніе новаго вождя становилось психологически необходимымъ. Императоръ Александръ прислушался къ „гласу народа“ и послушался тѣхъ, кто указывалъ на новаго, сразу признаннаго всѣми вождя.

Указывали на М. И. Голенищева-Кутузова, только что закончившаго тогда съ успѣхомъ турецкую войну. Этотъ

⁶⁾ «Двѣнадцатый годъ». Составилъ Д. И. Троицкій. Москва 1911 г.

выборъ лично былъ непріятенъ Александру: онъ не любилъ Кутузова. И тѣмъ болѣе чести ему, что онъ пожертвовалъ своими личными чувствами для общаго блага и все-таки назначилъ этого, лично не симпатичнаго ему, чловѣка на высокій и отвѣтственный постъ главнокомандующаго, призваннаго „спасать Россію“.

Къ этой порѣ война въ значительной степени стала пріобрѣтать народный характеръ. Государь посѣтилъ Москву и былъ тамъ торжественно встрѣченъ населеніемъ. Знаменитый выходъ его къ народу на Красномъ крыльцѣ, художественно описанный въ „Войнѣ и Мирѣ“, пріемъ дворянъ и другихъ сословій въ Слободскомъ дворцѣ, восклицанія: „Отецъ нашъ, веди насъ“, пожертвованія деньгами и людьми, — все это сразу сообщило текущимъ событіямъ характеръ всеобщаго стремленія защищать отечество. Это стремленіе захватило всѣ сословія. Общее настроеніе стало торжественнымъ и приподнятымъ. И какъ разъ къ этой порѣ и подоспѣло назначеніе новаго вождя. Неудивительно, что общая восторженность была перенесена на личность Кутузова и окружила его ореоломъ, котораго былъ незаслуженно лишенъ Барклай.

„Личность Кутузова достаточно освѣщена въ исторіи. Призывъ Кутузова встрѣченъ былъ современниками съ восторгомъ. Какъ-же должна смотрѣть на него безпристрастная исторія? Обязана-ли она, слѣдуя голосу современниковъ, приписывать одному лицу безсмертную заслугу спасенія Россіи и всей ея будущности, или-же она должна распредѣлить эту заслугу между нѣсколькими лицами и воздать каждому по дѣламъ его. Въ официальной исторіографіи и въ популярныхъ сочиненіяхъ по исторіи отечественной войны принято и по сію пору за правило приписывать все одному лицу, возвеличивать славу Кутузова на счетъ другихъ героевъ 1812 года. Исторія обязана воздерживать-

ся отъ подобныхъ увлеченій. Воздавая должную дань безсмертнымъ заслугамъ Кутузова, она не должна опускать изъ виду и не менѣе великихъ заслугъ его предшественника. Всѣ успѣхи Кутузова были-бы немислимы, если-бы армія, этотъ цвѣтъ населенія Россіи, эта надежда отчества, не была спасена отъ неизбежнаго истребленія единственно осторожностію, благоразуміемъ и непоколебимою твердостью Барклай-де-Толли. Барклай спасъ армію вопреки ей самой, вопреки требованіямъ Россіи.

Но Кутузовъ обладалъ именно тѣми свойствами, которыя способны были внушить безграничное довѣріе русскому человѣку и солдату. Онъ прежде всего былъ человѣкъ религіозный, и, что всего важнѣе, — его религіозность отличалась чисто національнымъ характеромъ, выражалась въ формахъ традиціонныхъ, привычныхъ, священныхъ въ глазахъ народа. Онъ молился не въ уединеніи своего кабинета, а всенародно, во храмахъ. Онъ стоитъ на колѣнахъ, кладетъ земные поклоны, лобызаетъ съ благоговѣніемъ св. иконы, онъ обливается слезами и лежитъ во прахъ передъ глазами всего народа. И на полѣ брани онъ держитъ себя прежде всего, какъ христіанинъ и православный. Передъ боемъ онъ приказываетъ носить по рядамъ войскъ чудотворный образъ Богоматери, и самъ первый преклоняется передъ народною святынею. Повелѣніе государя стать во главѣ арміи казалось ему званіемъ Божіимъ. Онъ выслушалъ его, по собственнымъ его словамъ, „съ христіанскимъ смиреніемъ, но безъ робости, какъ призваніе свыше“. Выражаться такъ можетъ человѣкъ дѣйствительно и глубоко религіозный.

Кутузовъ врагъ всякой внѣшней обстановки, всякаго параднаго блеска; онъ знаетъ, что вся эта мишура не можетъ подѣйствовать на простого, безхитростнаго русскаго ратника. Онъ появляется передъ войсками не иначе, какъ

на маленькой казачьей лошаdkъ, въ старомъ походномъ сюртукъ, безъ эполетъ, въ бѣлой съ краснымъ околышемъ фуражкѣ, съ шарфомъ черезъ одно плечо, съ нагайкою на ремнѣ черезъ другое. Такая внѣшность дѣлаетъ его сразу близкимъ, доступнымъ для солдатъ, человѣкомъ. Одно его появленіе вызываетъ неподдѣльный энтузіазмъ. Войска встрѣчаютъ стараго, всѣмъ знакомаго героя дружнымъ, радостнымъ „ура“. „Пріѣхалъ Кутузовъ бить французовъ“, — говорятъ между собою солдаты.

Кутузовъ способенъ былъ понимать вѣрно и отчетливо общее положеніе дѣлъ и сообразоваться съ этимъ положеніемъ въ своихъ собственныхъ дѣйствіяхъ. А главное, онъ былъ хитеръ и ловокъ и могъ съ успѣхомъ противопоставить наполеоновской рѣшительности и быстротѣ соображенія и натиска свою гениальную увертливость и ловкость. Характеренъ діалогъ, который произошелъ у него съ его племянникомъ передъ отъѣздомъ старика Кутузова въ армію. Племянникъ, повидимому, благоговѣвшій предъ военнымъ гениемъ Наполеона, позволилъ себѣ спросить дядю: — „Неужели, дядюшка, вы думаете разбить Наполеона“? Кутузовъ отвѣтилъ: — „Разбить. Нѣтъ, не думаю. Но обманут — да, — разсчитываю“.

Какъ бы то ни было, назначеніе Кутузова всѣхъ удовлетворило и подняло духъ въ арміи. Армія наши въ это время остановились въ Царевомъ Займищѣ. Кутузовъ во всеуслышаніе объявилъ на смотре, что съ „такими молодцами странно отступать“. У всѣхъ сложилось убѣжденіе, что въ Царевомъ Займищѣ Кутузовъ встрѣтитъ Наполеона и дастъ ему наконецъ генеральное сраженіе. Но Кутузовъ предпочелъ тактику „измѣнника“ Баркляя: онъ приказалъ отступать далѣе⁷⁾.

⁷⁾ „Императоръ Александръ I и идея священнаго союза“ проф. В. К. Надлера. Т. 1. Рига. 1886 г.

Снова началось отступление, но войска шли въ другомъ настроеніи. Они были убѣждены, что теперь Москву безъ боя не отдадутъ. Получилась странная психологическая картина: совершалось то же самое, что всѣхъ возмущало, когда командовалъ Барклай. Но теперь все это принималось въ иномъ освѣщеніи, и всѣ были довольны.

Отступление продолжалось до 22 августа. Въ юго-западныхъ губерніяхъ и подъ Москвой въ тотъ годъ былъ рѣдкій урожай. Несжатая за неимѣніемъ рабочихъ рукъ нивы желтѣли пышными полосами... Вскорѣ на этихъ пышныхъ нивахъ долженъ былъ взойти урожай кроваваго посѣва.

Если бы то, что совершалось тогда, совершилось въ наше время, то къ моменту главнаго столкновенія двухъ враждующихъ армій вся Россія жила бы лихорадочнымъ ожиданіемъ и нервной приподнятостью... Каждое мгновение борьбы было бы извѣстно во всѣхъ концахъ страны, и, быть-можетъ, Москва зажглась бы раньше на нѣсколько дней...

Но въ то время не было ни желѣзныхъ дорогъ, ни телеграфа. О томъ, что дѣлалось около Москвы и что случилось въ знаменательный день 26 августа, — въ Россіи еще сравнительно долго не знали. Въ самой Москвѣ французовъ еще не ждали такъ скоро и не думали, что она чрезъ нѣсколько дней будетъ въ ихъ рукахъ. Въ остальной Россіи въ эти жаркіе августовскіе дни царило спокойствіе. Громъ бородинскихъ пушекъ не долеталъ туда...

Но за то тамъ, на Бородинскомъ полѣ — на обширномъ пространствѣ земли, покрытой перелѣсками и пахатными участками, около никому до той поры невѣдомыхъ селъ Бородина и Семеновскаго, въ мирной и кроткой рамкѣ русскаго сельскаго пейзажа, — господствовало въ эти дни тревожное и приподнятое настроеніе у тысячъ и тысячъ человѣкъ, которые въ эти дни „дѣлали исторію“... На этихъ пахатныхъ поляхъ среди этихъ перелѣсковъ собрались наконецъ вмѣ-

ствъ сто тысячъ русскихъ и гораздо большее число французовъ и ихъ союзниковъ и стояли обширными лагерями другъ противъ друга въ ожиданіи рокового и рѣшительнаго столкновенія. Долженъ былъ съ минуты на минуту разразиться громовый ударъ.

Начало кровопролитнѣйшему въ XIX столѣтіи Бородинскому сраженію было положено 24 августа, когда показались передовые отряды Мюрата, Даву и Понятовскаго. Жаркій бой завязался у Шевардинскаго редута, который нѣсколько разъ переходилъ изъ рукъ въ руки; французы завладѣли Шевардинымъ, сдѣлавшимся центромъ расположенія французскихъ войскъ. 25-е августа, какъ бы по соглашенію противниковъ, прошло въ приготовленіяхъ къ рѣшительному бою. Наполеонъ, осматривая позиціи около полудня, остался вполне доволенъ, замѣтивъ, что русскіе на этотъ разъ не уклоняются отъ боя.

На другой день предстояло грозное и желанное для обѣихъ армій, но и страшное, по своимъ послѣдствіямъ, сраженіе: кто побѣдитъ—вся Европа съ великимъ полководцемъ во главѣ, или святая Русь съ ея арміей, предводимая престарѣлымъ, посѣдѣвшимъ въ бояхъ, свѣтлѣйшимъ княземъ Кутузовымъ?

Оба полководца, обѣ предводимыя ими арміи сознавали важность грядущаго событія и готовились къ нему.

Наполеонъ наканунѣ 26 августа чувствовалъ себя неспокойно. Его адъютантъ, входя, видитъ Императора, склонившаго на руки опущенную голову, какъ бы угадываетъ его размышленія о тщетности славы: „Что такое война? восклицаетъ Наполеонъ. Ремесло варваровъ, гдѣ все искусство заключается въ томъ, чтобы одинъ въ чемъ-нибудь пересилилъ другого“. Затѣмъ Наполеонъ жалуется на непостоянство судьбы, которое онъ начинаетъ уже испытывать на самомъ себѣ. Мысли его возвращаются къ тому крити-

ческому положенію, въ которое онъ самъ себя поставилъ, и Наполеонъ прибавляетъ: „готовится великій день, наступитъ ужасная битва“. Онъ спрашиваетъ Раппа, вѣритъ ли онъ въ побѣду. „Безъ сомнѣнія, отвѣчалъ тотъ, но въ побѣду кровавую“. Наполеонъ продолжаетъ: „Я это знаю“⁸⁾.

Охваченный своимъ прежнимъ безпокойствомъ, онъ посылаетъ освѣдомиться о положеніи русскихъ.

Ему отвѣчаютъ, что ихъ огни свѣтятъ по прежнему и что, судя по числу костровъ и по множеству человѣческихъ тѣней, которыя ихъ окружаютъ, тутъ не только арьергардъ, но и вся русская армія. Присутствіе непріятели успокоило Императора, и онъ захотѣлъ немного отдохнуть.

Но походъ, который онъ совершилъ вмѣстѣ съ арміей, утомленіе ночи и предыдущихъ дней, многочисленныя заботы и напряженное ожиданіе—все это изнурило его.

Утренній холодъ охватилъ его, его мучили лихорадочное волненіе, сухой кашель и сильная жажда.

Между тѣмъ русскій станъ былъ тихъ и спокойно сосредоточенъ. Когда войска проходили и временно останавливались передъ Колоцкимъ монастыремъ, расположеннымъ на бородинской равнинѣ, въ которомъ оставалось уже только два или три престарѣлыхъ монаха, церковь цѣлый день была отперта и полна. „Я былъ у вечерни,—говоритъ современникъ-очевидецъ событій;—унылый звукъ колокола, тихое пѣніе, синеватый сумракъ, слегка просвѣтляемый тусклою лампадою и нѣсколькими свѣчами, которыя чуть теплились передъ древними иконами, все это вмѣстѣ чудеснымъ образомъ располагало душу къ молитвѣ. Глубокое молчаніе почиало въ храмѣ. Въ сіи мгновенья души и сердца русскія были въ тайной бесѣдѣ съ Богомъ. У нѣкоторыхъ только

⁸⁾ «Походъ въ Москву въ 1812 году». Мемуары участника, французскаго генерала графа де-Сегюра. Переводъ съ послѣдняго французскаго изданія Брониславы Рунтъ. Москва 1911 г.

изъ молящихся избытокъ грусти вырывался въ тихихъ рыданіяхъ, мѣшаясь съ дрожащимъ голосомъ убѣленного сѣдинами старца⁹).

То же настроеніе духа въ большей степени господствовало во всемъ русскомъ войскѣ, когда оно почувствовало, что окончательно остановилось, чтобы вступить въ рѣшительный бой. „Офицеры надѣли съ вечера чистое бѣлье; солдаты, сберегавшіе про случай бѣлыя рубашки, сдѣлали то же. Эти приготовленія были не на пиръ“. „На призывъ квартирьеровъ: „водку привезли; стуай къ водкѣ“ многіе отвѣчали: „не къ тому готовимся; не такой завтра день“. Вездѣ точили штыки, отпускали сабли, артиллеристы передвигали орудія, избирая для нихъ болѣе выгодныя мѣста. Всѣ готовились къ смерти, невольно, просто,—потому что слѣдовало или умереть, или спасти отечество. Замогли въ это время и частныя вражды и соперничество, пересуды и сплетни. Въ это время главнокомандующій велѣлъ торжественно пронести передъ рядами всего войска икону Смоленской Божіей Матери и служить молебны.

Надвигалась тревожная ночь,—канунъ страшнаго историческаго дня. Поднялся вѣтеръ и съ воемъ проносился надъ нашими тихими биваками. Кое-гдѣ перекликались сторожевые посты.

Начало свѣтать. Небо расчистило.

Вдругъ раздался густой одинокій пушечный выстрѣлъ съ батареи впереди Семеновскаго, пронесся и замеръ среди общей тишины... Въ темнотѣ нашимъ показалось, что непріятель приближается. Ошибка вскорѣ разъяснилась. Въ эту минуту предъ войсками читались приказы. Послѣ перваго выстрѣла все смолкло. Кутузовъ приказалъ подать коня и поскакалъ на батарею за д. Горки. Въ это время

⁹) «Двѣнадцатый годъ» Д. И. Троицкаго.

и Наполеонъ со своей свитой скакалъ къ Шевардинскому редуту. Заря занималась, туманъ разсѣялся, блеснулъ первый лучъ солнца.

— „Это соляце Аустерлица“, — сказалъ Наполеонъ, воскрешая въ памяти своей и окружающихъ счастливый для него день побѣды надъ русскими въ 1805 г.

Не ожидалъ онъ, что 26 августа, не смотря на болѣе выгодныя условія, счастья ему не испытать, и именно потому, что здѣсь русскіе ради спасенія Родины готовы были напрячь всѣ свои силы, чтобы побѣдить или умереть — „мертвые сраму не имутъ“.

Въ половинѣ шестого французы начали страшную канонаду. Это было вступительнымъ актомъ великой трагедіи. Заколебался воздухъ. Затрещала ружейная перестрѣлка. Полетѣли ядра и со стороны Бородина. Вскорѣ огонь охватилъ все видимое поле боя. Сраженіе началось.

Великая Бородинская битва происходила на пространствѣ около трехъ верстъ, въ трехъ мѣстахъ: у Бородина и центральной батареи; у Семеновскихъ флешей (укрѣпленій) и на старой Смоленской дорогѣ, у деревни Утицы. Наибольшее кровопролитіе совершалось между Бородинымъ и Семеновскими флешами, куда Наполеонъ намѣтилъ свой главный ударъ и направилъ болѣе половины своихъ силъ ¹⁰⁾.

„Знатоки-спеціалисты описывали бородинскій бой уже несчетное количество разъ; исторія занесла уже на свои страницы всѣ показанія самихъ участниковъ боя гигантовъ; она достаточно взвѣсила всѣ доводы противниковъ, оспаривавшихъ тогда и понынѣ пальму побѣды. Исторія отмѣтила также, что руководство движеніями нашей арміи въ этотъ роковой день оставляетъ желать многого, но она скажетъ, что и гениальный папъ противникъ совершалъ непроститель-

¹⁰⁾ «Бородинскій бой», проф. Н. П. Михневича. Москва 1912 г.

ные промахи. Сомнѣнія и колебанія впервые вкрались въ его душу въ этотъ рѣшительный моментъ. Геройское, поистинѣ неслыханное сопротивленіе нашихъ войскъ, страшныя потери, понесенныя его полчищами, потрясли даже желѣзную натуру Наполеона. Онъ вспомнилъ вдругъ о Парижѣ, о громадномъ разстояніи, отдѣляющемъ его отъ родины и всѣхъ источниковъ его силы, и страхъ, трепетъ предъ неизвѣстнымъ будущимъ впервые закрался въ его душу. Стратегическія преимущества были уже на его сторонѣ. Возвышенности, увѣнчанныя нашими редутами, покинуты уже были русскими войсками. Залитыя цѣлыми потоками крови, заваленныя тысячами труповъ, онѣ высились пустынные и брошенныя между нашими и непріятельскими линіями. Наполеону оставалось завершить свой успѣхъ, превратить свою побѣду стратегическую въ тактическую, разбить и уничтожить окончательно оттѣсненную имъ русскую армію. Средства для достиженія такой цѣли были, повидимому, въ его рукахъ. Солнце стояло еще очень высоко, когда одинъ маршалъ за другимъ начали присылать гонцовъ къ императору, прося о наступленіи гвардіи. Наполеонъ поскакалъ къ сражавшимся войскамъ, онъ взѣхалъ на Семеновскія высоты, потомъ на батарею Раевского. Отовсюду глазамъ его представлялось одно и тоже зрѣлище. Вездѣ онъ видѣлъ русскихъ, оттѣсненныхъ съ первоначальныхъ ихъ позицій, но ихъ массы не производили впечатлѣніе разстроенныхъ, деморализованныхъ, готовыхъ къ бѣгству полчищъ. Они стояли такими-же непроницаемыми сплоченными рядами, какъ и въ началѣ боя. Артиллерійскій огонь, поражавшій ихъ съ страшною силою, не производилъ на нихъ ожидаемаго впечатлѣнія. Они стояли твердо, непоколебимо въ ожиданіи новаго натиска, подобно гранитнымъ скаламъ океана. Наполеонъ понялъ, что ему придется покупать побѣду новыми страшными жертвами, онъ вспомнилъ, что у него

остается одинъ послѣдній резервъ, его старая гвардія. Съ досадою, съ озлобленіемъ сказалъ онъ своимъ окружающимъ: „я не хочу истребить мою гвардію; за восемьсотъ лье отъ Парижа не жертвуютъ своимъ послѣднимъ резервомъ“. Судьба произнесла свой приговоръ. Бурная волна нашествія впервые остановилась передъ желѣзною грудью русскихъ воиновъ“¹¹⁾.

Уже послѣ трехъ часовъ по-полудни прекратились яростныя атаки непріятеля. Сраженіе начало замирать само собою; крайнее истощеніе силъ обнаруживалось у обѣихъ противниковъ.

Бородинская битва, дѣйствительно, принадлежитъ къ числу самыхъ жестокихъ и ужаснѣйшихъ битвъ въ исторіи. Потери съ обѣихъ сторонъ были громадны. У насъ выбыло изъ строя убитыми, ранеными и пропавшими до 55 тысячъ человекъ, а у французовъ—до 50 тысячъ. Армія наша лишилась 22 генераловъ, а французская—49. Французы не даромъ поэтому называли эту битву *битвою генераловъ*. У насъ и у непріятелей иные полки почти совсѣмъ исчезли, а въ другихъ полкахъ оставалось по 100 и по 150 человекъ подъ начальствомъ прапорщиковъ.

И такая потеря въ войскахъ вполне понятна. Бородинскій огонь настолько былъ ужасенъ и жестокъ, что цѣлыя тысячи людей гибли въ нѣсколько мгновеній. Французы выпустили 70000 артиллерійскихъ снарядовъ и милліонъ четыреста тысячъ ружейныхъ пуль. Огонь нашей артиллеріи наносилъ непріятелю такое пораженіе, что маршалъ Ней приказывалъ своимъ солдатамъ ложиться, чтобы хоть сколько-нибудь предохранить ихъ отъ смертоносной канонады.

Всѣ отъ генерала до послѣдняго солдата покрыли се

¹¹⁾ «Императоръ Александръ I и идея священнаго союза», проф. В. К. Надлера т. 1 Рига. 1885 г.

бя въ этотъ день неувыдаемою славою, но пальма храбрости выпала на долю обоихъ вождей нашей арміи: Багратионъ палъ, пораженный непріятельскою пулею, Барклай искалъ смерти повсюду, но Провидѣніе хранило его. Его геройскіе подвиги изумили въ этотъ день нашу армію. Пять лошадей было убито подъ нимъ, почти всѣ его адъютанты перебиты, или переранены. Багратионъ, чувствуя себя пораженнымъ на смерть, поспѣшилъ отправить къ нему своего адъютанта съ словомъ примиренія. Его честная, солдатская душа сказала въ этотъ моментъ во всей своей чистотѣ.

Потери непріятеля были также колоссальны, но все же на его сторонѣ оставалось громадное превосходство силъ. Наша армія насчитывала теперь въ своихъ рядахъ не болѣе 52000 человекъ, тогда какъ Наполеонъ имѣлъ еще въ строю около 90000 человекъ. Возможно-ли было возобновлять сраженіе послѣ такихъ потерь, при такомъ неравенствѣ силъ? Кутузовъ, не имѣвшій въ первый моментъ точнаго представленія о количествѣ нашихъ потерь, считалъ вечеромъ возобновленіе боя возможнымъ, но уже съ наступленіемъ ночной темноты онъ принужденъ былъ измѣнить свое рѣшеніе. Въ теченіе ночи выяснились съ одной стороны наши потери, а съ другой стороны самъ Наполеонъ своими распоряженіями далъ нашей арміи полную возможность не только покинуть безпрепятственно поле боя, но и вынести полное убѣжденіе, что сраженіе нами выиграно и что мы отходимъ назадъ, чтобы собраться съ силами и заручиться подкрѣпленіями. Дѣло въ томъ, что Наполеонъ не рѣшился оставить свои изнуренныя и разстроенныя войска на позиціяхъ, занятыхъ ими съ боя. Съ наступленіемъ ночи непріятель отступилъ повсемѣстно, и наши войска, не видя его нигдѣ вблизи, пришли къ убѣжденію, что побѣда осталась на нашей сторонѣ. Приказъ къ

отступленію, послѣдовавшій на другой день, не поколебаль нисколько ихъ самоувѣренности. Они безусловно вѣрили своему вождю. Вступая вновь на путь отступленія, они не сомнѣвались ни на минуту, что идутъ прямо къ побѣдѣ.

Сраженіе при Бородинѣ, рассматриваемое съ болѣе общей, а не узкой военной точки зрѣнія, никоимъ образомъ не можетъ быть признано ни побѣдою, ни пораженіемъ русской арміи. Если русскія войска и были сбиты съ большей части своихъ позицій, то за то и непріятель не рѣшился остаться на этихъ позиціяхъ и покинулъ ихъ уже съ наступленіемъ ночи. Число трофеевъ, пушекъ и плѣнныхъ, взятыхъ обѣими сторонами, было одинаково незначительно. „Послѣ одного изъ лучшихъ друзей моихъ,—говоритъ принцъ Евгеній Виртембергскій, одинъ изъ блистательнѣйшихъ героевъ Бородинскаго боя,—осталось сочиненіе, въ которомъ содержится много замѣчательнаго о Бородинской битвѣ. Оно оканчивается слѣдующими словами: „говоря по совѣсти, не было причины ни Кутузову доносить о побѣдѣ императору Александру, ни Наполеону извѣщать о ней Марію Луизу. Если-бы мы, воины обѣихъ сторонъ, забывъ на время вражду нашихъ повелителей, предстали на другой день предъ алтаремъ правды, то слава, конечно, признала-бы насъ братьями 12).

Измученныя, нравственно и физически истерзанныя войска (у Кутузова оставалось всего только шесть баталіоновъ пѣхоты, не бывшей еще въ огнѣ) стояли въ ночной мглѣ, какъ тѣни. И, подобно французамъ, въ эту ночь они еще не знали, побѣдили они или побѣждены...

Они узнали это только потомъ, когда Наполеонъ побѣжалъ изъ Москвы, и когда уже всѣмъ стало ясно, что подъ Бородинымъ его армія получила смертельную рану...

12) Тамъ-же.

Вотъ это значеніе и имѣетъ для насъ Бородино. Результатъ этого „безрезультатнаго“ сраженія былъ громадный. Оно причинило наполеоновской арміи смертельную рану. По инерціи она нѣкоторое время продолжала свое бытіе, но въ сущности послѣ Бородина начинается ея агонія. Она „докатилась“ до Москвы, потомъ покатилаь обратно изъ Москвы, но уже истекая кровью...

Вл. Долгополовъ.

(Окончаніе будетъ).

НѢТЬ ОГНЯ.

*Огонь пришелъ Я низвестъ
на землю (Лук. XII, 48).*

Христось Спаситель говоритъ о томъ огнѣ (о благодати Святаго Духа), который Онъ низвелъ на Апостоловъ въ видѣ огненныхъ языковъ и котораго сподобляются истинно-вѣрующіе въ Него. Безъ этой благодати невозможно получить спасеніе.

Какъ тѣло безъ воздуха, такъ и душа безъ благодати мертва. Благодать возгрѣвается неотступностію, постоянствомъ горячей молитвы, при чистотѣ жизни. Святые отцы говорятъ, что огонь молитвы подобенъ огню вещественному, на которомъ варится сосудъ съ водой. Много огня—вода кипитъ. Мало огня—охлаждается и совсѣмъ остываетъ. Есть у христіанина въ сердцѣ огонь, возгрѣваемый молитвою, и душа пламенѣетъ любовію ко Христу и желаніемъ угодить Ему. Нѣтъ огня—нѣтъ и желанія искренняго угодить Богу. Пока сосудъ съ водой кипитъ, никакое насѣкомое не приближается къ нему. Остыль сѣсудъ—всякая нечистая тварь падаетъ въ него и оскверняетъ его. Точно такъ бываетъ и съ нами. Горитъ душа, пламенѣетъ любовію къ

Богу, — никакой злой помысль не приближается къ ней, никакое злое желаніе или намѣреніе не омрачаетъ ея чистоты.

Остыла душа, — охлаждается любовь къ Богу, и всякой злой помысль, навѣваемый врагомъ рода человѣческаго, всякая похоть, всякое злое намѣреніе легко воспринимается ею и оскверняетъ ее.

Каждому христіанину, тѣмъ болѣе пастырю церкви Христовой, нуженъ этотъ священный огонь, — нуженъ не на время, а навсегда, до конца жизни.

Христіанинъ, воспитанный родителями въ вѣрѣ и благочестіи и измлада воспламененный этимъ огнемъ, никогда не подвергнется нравственному паденію, если будетъ внимать голосу совѣсти и своему спасенію. Если же и падетъ, опять возстанетъ. Согрѣшитъ, — покается. А хладный христіанинъ падаетъ и не возстаетъ, постоянно пребываетъ въ паденіи и погибаетъ, потому что нѣтъ въ немъ огня.

Многіе начинаютъ хорошо, но кончаютъ плохо.

Но не начало подвига славится, а конецъ. Многіе молодые священники воодушевляются горячею любовью къ пастырскому служенію: ученіе святыхъ отцовъ о долгѣ и обязанностяхъ пастыря и увлеченіе юности побуждаютъ ихъ ревностно проходить пастырское служеніе. Но проходитъ годъ, два, отъ силы три, — и горячая ревность по Богѣ охлаждаетъ, энергія слабѣетъ, все неудачи, да камни преткновенія. Вдобавокъ, враждебныя вражьи силы врага нашего спасенія и злыхъ его слугъ окончательно одолеваятъ пастыря, и онъ, одинокій, въ уныніи, отчаяніи и совершенномъ нравственномъ изнеможеніи упускаетъ изъ рукъ свои воинскіе доспѣхи, прекращаетъ борьбу со врагами, — онъ уже не побѣдитель, а побѣжденный! Тина, говорятъ, жизненная заразила его, долу, къ землѣ присосала его. Жалкое, бозотрадное состояніе!... Но не отчаявайся, іерей Божій! Вникни въ свое положеніе, разсмотри тѣ поступки свои,

которые охладили священный огонь, твою энергію, пройди вниманіемъ свои счастливые годы твоего служенія, и ты заметишь, что упущено тобою что — то, именно, то, что послужило причиною твоего охлаждения. Постоянно ли и усердно ли возгрѣвалъ ты въ себѣ даръ Божій, данный тебѣ при хиротоніи? Подогрѣвалъ ли ты сосудъ сердца и души огнемъ постоянной и неотступной молитвы и чтеніемъ Слова Божія и твореній святыхъ отцовъ? Не уклонился ли ты отъ источника живої воды къ сокрушеннымъ кладенцамъ нечистаго и душепагубнаго питія? отъ Слова Божія къ слову человѣческому, отъ чтенія св. Евангелія къ чтенію свѣтскихъ книгъ, газетъ, журналовъ, увлекательныхъ романовъ, повѣстей, а быть можетъ даже... антихристіанскихъ: соціалистическихъ, масонскихъ, спиритическихъ и атеистическихъ книгъ?!... Не ведешь ли дружбы съ порочными людьми? Если такъ, то вотъ тебѣ и разгадка твоего охлаждения! Огонь потухъ, вѣрнѣе, ты угасилъ его своимъ невниманіемъ и увлеченіемъ современностію. Внимай себѣ, и тогда узнаешь, что духъ современнаго свѣтскаго просвѣщенія противенъ духу евангельскому. *Безъ Мене не можете творити нечесоже!* сказалъ Господь.

Монахъ Тихонъ.

Донецкій монастырь.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

**ЗУБНОЙ
ВРАЧЪ С. И. КЛЯЧКО.**

Леченіе, пломбированіе зубовъ. Искусственные зубы.

Для г.г. духовныхъ и ихъ семействъ вполне доступныя условія

Воронежъ, Большая Дворянская, д. Шуклина, № 36.

Техническая Контора
Т-ва А. Г. ПРОСВИРКИНЪ и К^о

ВЪ ВОРОНЕЖѢ.

ПОЛНОЕ УСТРОЙСТВО:

Центрального парового, пароводяного и
водяного отопленій.

Водопроводы и канализація въ домахъ, школахъ, больницахъ, церквахъ
подъ управленіемъ спеціалиста Инженера Я. В. КОЖЕЛЬСКАГО.

Советы — сметы — проекты — БЕЗПЛАТНО.

23—25

СОДЕРЖАНІЕ

НЕОФИЦИАЛЬНОЙ ЧАСТИ:

Слово въ день тезоименитства Государя Наслѣдника Цесаревича и Великаго
Князя Алексія Николаевича 5 октября 1912 г.—Законоучителя Воро-
нежскаго кадетскаго корпуса священника *Ст. Зетрева*.

Рѣчь предъ панихидою послѣ заупокойной литургіи 25 августа 1912 г. на
площади у городского собора въ г. Задонскѣ.—Протоіерей *Никанора*
Холодовича.

Рѣчь по случаю столѣтія Отечественной войны произнесенная 26 августа
1912 г. предъ молебствіемъ на Задонской площади въ г. Задонскѣ.—
Протоіерей *Никанора Холодовича*.

«Отечественная война».—*Влад. Домополова*.

Нѣтъ огня.—*Монаха Тихона*.

Объявленія.

Редакторъ, Ректоръ Семинаріи Прот. *Николай Околовичъ*.

Печатать дозволяется. 21 октября 1912 г. Цензоръ Протоіерей А. Спасскій.